

РЕШЕНИЕ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОД СТРАЖУ КАК ЧАСТЬ ПРИГОВОРА: МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ ИЛИ ОБРАЩЕНИЕ НАКАЗАНИЯ К ИСПОЛНЕНИЮ

***Аннотация.** Избрание в отношении подсудимого меры пресечения в виде заключения под стражу на единственном основании необходимости обеспечить исполнение приговора, без установления и учёта риска уклонения от отбывания наказания, недопустимо. В подобных случаях у меры пресечения отсутствует фундаментальное свойство - её превентивный характер, в связи с чем возникающие уголовно-процессуальные отношения не регулируются положениями гл. 13 УПК РФ, а подпадают под действие гл. 46 УПК РФ, регулирующей вопросы обращения приговора к исполнению. Обращение же не вступившего в законную силу приговора в части назначенного наказания к немедленному исполнению в обход установленного законом запрета, а равно избрание меры пресечения соответственно назначенному наказанию при постановлении приговора исключительно в целях его исполнения входят в противоречие с конституционным принципом презумпции невиновности. Автор утверждает, что положения ч. 2 ст. 97 УПК РФ, определяющие возможность избрания меры пресечения для обеспечения исполнения приговора, по своему конституционно-правовому смыслу предполагают, что в целях обеспечения исполнения наказания, назначенного по не вступившему в законную силу и не обращённому к исполнению приговору, суд вправе избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый уклонится от отбывания назначенного ему наказания. Суд не вправе избрать или изменить в отношении обвиняемого меру пресечения соответственно назначенному наказанию одновременно с постановлением приговора. Вопрос необходимости применения меры пресечения в связи с постановлением приговора подлежит разрешению в отдельном судебном заседании по ходатайству стороны обвинения или по инициативе суда после провозглашения приговора.*

***Ключевые слова:** право на свободу; право на защиту; презумпция невиновности; уголовный процесс; суд; приговор; заключение под стражу; решение о мере пресечения; арест при постановлении приговора; подсудимый; обращение приговора к исполнению*

В числе других вопросов, разрешаемых в совещательной комнате при постановлении приговора, суд решает, следует ли отменить или изменить меру пресечения в отношении подсудимого (п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), а в силу п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должно содержаться решение о мере пресечения в отношении подсудимого до вступления приговора в законную силу.

К самостоятельному основанию для избрания меры пресечения, согласно положениям ч. 2 ст. 97 УПК РФ, федеральный законодатель отнёс необходимость обеспечения исполнения приговора. Исходя из буквального содержания, - поскольку в диспозиции нормы не отражено, об исполнении какого приговора идёт речь, - данными положениями не исключается возможность избрания меры пресечения при постановлении в отношении подсудимого обвинительного приговора, то есть по не вступившему в законную силу приговору, на основании необходимости обеспечить его исполнение после вступления в законную силу.

При этом, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях, необходимость исполнения приговора не может служить единственным основанием избрания меры пресечения или продления её срока до постановления приговора. В Определении от 18 июля 2017 г. № 1541-О разъяснено, что положения ч. 2 ст. 97 УПК РФ, допуская в системе уголовно-процессуального регулирования избрание в целях обеспечения исполнения наказания меры пресечения до вступления приговора в законную силу, действуют с учётом установленных в ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ ограничений на применение меры пресечения в виде заключения под стражу. Такая правовая позиция основана на том, что указанная статья определяет особый порядок направления осуждённых в колонию-поселение, который обусловлен самостоятельным следованием осуждённого в колонию-поселение за счёт государства, и конкретизирует, что по решению суда осуждённый может быть заключён под стражу и направлен в колонию-поселение под конвоем в порядке, предусмотренном ст. 75 и 76 УИК РФ, в случаях уклонения его от следствия

или суда, нарушения им меры пресечения или отсутствия у него постоянного места жительства на территории Российской Федерации¹. Перечисленные обстоятельства образуют перечень рисков obstructive поведения, установление хотя бы одного из которых судом, как это следует из буквального смысла законоположений, может являться достаточным для избрания меры пресечения в целях обеспечения исполнения приговора.

Кроме того, при постановлении приговора суду надлежит решить вопрос о порядке следования к месту отбывания наказания только в отношении осуждённого к лишению свободы в колонии-поселении (п. 11 ч. 1 ст. 308 УПК РФ).

Иными словами, федеральный законодатель, установив в качестве правила, что в целях обеспечения исполнения наказания, назначенного по не вступившему в законную силу и не обращённому к исполнению приговору, суд одновременно с постановлением этого приговора вправе избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию и что до постановления приговора необходимость его исполнения не может служить единственным основанием избрания меры пресечения или продления её срока, предусмотрел только одно исключение из данного правила, согласно которому при осуждении подсудимого к лишению свободы в колонии-поселении последнее действует с учётом перечисленных выше ограничений. Каких-либо иных исключений закон не предусматривает.

Изложенное свидетельствует, что в случае назначения судом при постановлении обвинительного приговора наказания в виде реального лишения свободы не в колонии-поселении положения ч. 2 ст. 97 УПК РФ в системе действующего правового регулирования допускают возможность одновременного избрания в отношении подсудимого заключения под стражу в качестве меры пресечения на единственном основании необходимости обеспечения исполнения приговора, не устанавливая и не учитывая при этом риска уклонения от исполнения назначенного наказания.

---

¹ Определение КС РФ от 18.07.2017 № 1541-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision290260.pdf> (дата обращения: 01.06.2019)

О том, что положениям ч. 2 ст. 97 УПК РФ придаётся такой смысл, свидетельствует сложившаяся в России правоприменительная практика.

В резолютивной части приговора суды, в одних случаях, указывают на отмену меры пресечения, если таковая была применена, и формулируют распоряжение взять подсудимого под стражу в зале судебных заседаний, а в других – указывают на изменение ранее действовавшей меры пресечения на заключение под стражу. В описательно-мотивировочной части приговора мотивы решения о мере пресечения судом не приводятся, риски уклонения от исполнения назначенного наказания не устанавливаются. По результатам обжалования таких решений одновременно с приговорами вышестоящая инстанция подтверждает правомерность заключения подсудимого под стражу на том единственном основании, что он был осуждён к реальному лишению свободы.

Таким образом, на практике решение вопроса о мере пресечения при постановлении приговора зависит лишь от того, какое наказание назначено подсудимому. В частности, мера пресечения в виде заключения под стражу применяется судом практически ко всем лицам, осуждённым к реальному лишению свободы. В связи с этим возникает уверенность в том, что суды исходят из презумпции недобросовестности лица, приговорённого к реальному лишению свободы.

Однако, как указывает И. С. Дикарев, «для такой презумпции нет оснований уже потому, что обвиняемый после вынесения приговора хотя и именуется осуждённым, виновным ещё не признан»².

По мнению К. Б. Калиновского, «презумпция невиновности ограничивает применение мер пресечения в целях обеспечения исполнения приговора. Меры пресечения обеспечивают исполнение приговора, который ещё не вступил в законную силу (апелляция, кассация), или которого ещё не существует (предварительное расследование, предание суду). Поэтому и сам приговор, и

---

² Дикарев И. С. Разрешение судом вопроса о мере пресечения при постановлении приговора // *Мировой судья*. 2008. № 11. С. 23 – 25.

наказание ещё являются предметом спора сторон, они ещё вероятны, сомнительны. Такие сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого»³.

На наш взгляд, до вступления приговора в законную силу его постановление само по себе не может рассматриваться в качестве обстоятельства, имеющего юридическое значение применительно к вопросу о наличии оснований для одновременного избрания в отношении обвиняемого меры пресечения. Поскольку приговор в этот период времени является лишь суждением суда по вопросам о виновности и назначении наказания, значение имеет риск уклонения обвиняемого от исполнения наказания, который способно вызвать постановление приговора. При этом важно иметь в виду, что наличие такого риска может быть установлено и учтено судом в качестве обстоятельства, подтверждающего необходимость обеспечения исполнения приговора, то есть определённого в ч. 2 ст. 97 УПК РФ основания для избрания меры пресечения соответственно назначенному наказанию, только при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый после постановления приговора уклонится от его исполнения, о чём должны свидетельствовать, помимо факта постановления приговора, иные обстоятельства. Другими словами, одно только назначение судом наказания, в отсутствие установленного риска уклонения от его исполнения, недопустимо рассматривать в качестве обстоятельства, подтверждающего необходимость обеспечения исполнения приговора.

Как полагает С. И. Вершинина, «важным шагом в совершенствовании института мер пресечения должно стать установление правового значения обстоятельств, обозначенных в ч. 2 ст. 97 УПК РФ, а именно - обеспечение исполнения приговора и возможная выдача лица». Рассуждая о том, являются ли

---

³ *Калиновский К. Б.* Законность применения меры пресечения в целях исполнения приговора в российском уголовном процессе // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве: материалы Международной научно-практической конференции (Саранск, 7-8 дек. 2006 г.) МГУ им. Н.П. Огарева, Мордовский гуманитарный институт; [ред. кол.: Л.Д. Калинкина (отв. ред.), Н.Р. Мухудинова, О.А. Сухова]. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2006. С. 192 – 195.

данные обстоятельства основаниями в буквальном понимании этого слова, автор делает вывод о том, что, «допуская применение мер пресечения для исполнения приговора, законодатель в данной норме указывает не столько основания и цель их применения, сколько этап уголовного судопроизводства, в котором допускается применение указанных мер - это стадия исполнения приговора, начинающаяся с момента вступления приговора в законную силу. С этого времени осуждённый уже не считается обвиняемым в смысле ст. 47 УПК РФ, поэтому применять к нему положения гл. 13 УПК РФ, предусматривающие превентивное принудительное воздействие, неверно»⁴.

Приведённая научная позиция полностью согласуется со сделанным нами выводом о том, что при постановлении приговора суд не вправе избирать меру пресечения на основании одного только факта его постановления как обстоятельства, подтверждающего наличие основания для избрания меры пресечения, предусмотренного в ч. 2 ст. 97 УПК РФ.

Но если продолжить рассуждения на эту тему и изучить проблему глубже, придётся прийти к неутешительным выводам.

Отдавая в резолютивной части приговора распоряжение заключить подсудимого под стражу, без установления и учёта фактических обстоятельств, которые могут свидетельствовать о намерении уклониться от его исполнения, суд на самом деле не преследует цели оказать на подсудимого превентивное принудительное воздействие, являющееся фундаментальным свойством любой из таких мер. При этом в целях решения вопроса о наличии соответствующего основания для избрания меры пресечения необходимость обеспечения исполнения приговора рассматривается судом в том смысле, когда под обеспечением понимается не гарантия исполнения чего-либо, а его непосредственное исполнение (фактическая реализация). Учитывая, что время содержания подсудимого под стражей засчитывается в срок лишения свободы после вступления приговора в законную силу, а само заключение под стражу применяется

---

⁴ *Вершинина С. И.* О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 122.

судом исключительно для последующего зачёта в счёт назначенного наказания, необходимость обеспечения исполнения приговора замещается истинной целью - необходимостью его исполнения. Изложенное позволяет утверждать, что суд применяет заключение под стражу не в качестве меры пресечения.

Следовательно, возникающие в подобных случаях уголовно-процессуальные правоотношения, связанные с фактическим лишением обвиняемого свободы на основании не вступившего в законную силу приговора, не охватываются институтом мер пресечения и не регулируются положениями гл. 13 УПК РФ. Тогда чем же на самом деле регулируются эти правоотношения?

Так как заключение под стражу производится с целью лишения свободы, а последующее содержание под стражей по своему существу равнозначно отбыванию наказания в виде лишения свободы и осуществляется на основании постановленного приговора и во исполнение сформулированного в нём распоряжения, притом что таковое, соответствующее по характеру ограничений заключению под стражу наказание, судом и было назначено подсудимому, представляется, что данные правоотношения в полной мере подпадают под действие гл. 46 УПК РФ, регулирующей вопросы обращения приговора к исполнению.

Однако в силу положений ст. 390 УПК РФ приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке, если он не был обжалован сторонами (ч. 1), и обращается к исполнению судом первой инстанции в течение 3 суток со дня его вступления в законную силу или возвращения уголовного дела из суда апелляционной инстанции (ч. 4). По смыслу закона, обращение приговора к немедленному исполнению не допускается.

Таким образом, заключение обвиняемого под стражу осуществляется судом с нарушением процедуры, установленной уголовно-процессуальным законом. Оснований для обращения назначенного наказания к немедленному исполнению в порядке процессуальной аналогии не имеется, поскольку заключение под стражу не применяется судом в качестве меры пресечения.

К сожалению, отдельные научные и практические работники, полагающие, что мера пресечения является «тенью» наказания, совершенно искренне не понимают, почему при постановлении приговора суд должен хоть как-то ограничиваться в возможности избрания заключения под стражу. Считают, что у суда, убеждённого в виновности подсудимого и назначившего наказание в виде реального лишения свободы, не может быть сомнений по поводу меры пресечения. Если суд уже высказал свою позицию о наказании подсудимого, которого невозможно оставить на свободе, то почему должна быть иная позиция по вопросу, заключать его под стражу или нет?

Ответом на этот вопрос могут послужить следующие соображения. Применительно к обвиняемому, позиция которого в ходе рассмотрения уголовного дела была направлена на оправдание и который был взят под стражу исключительно на единственном основании необходимости исполнения приговора, указанный законодательный дефект приобретает особые свойства. В этом случае в его отношении нарушаются конституционные принципы справедливости и соразмерности, а сам факт произвольного лишения свободы представляет собой нарушение принципа презумпции невиновности и со стороны всеми, кроме самого суда, воспринимается именно так. Ввиду возникновения эффекта «сорванной маски» при заключении под стражу так и не признавшего вину в преступлении обвиняемого непоправимо подрывается доверие к судебной власти. Создаётся впечатление, что он был «наказан» судом в том числе и за занимаемую позицию в отношении предъявленного обвинения. Разве можно при таких обстоятельствах говорить о торжестве правосудия?

Вряд ли найдётся здравомыслящий человек, который будет утверждать о справедливости заключения под стражу невиновного, притом что именно таковым в силу объективного положения в этот момент всё ещё считается подсудимый, если исходить из конституционных предписаний. И при этом совершенно неважно, к какому мнению по вопросу доказанности обвинения пришёл суд, поскольку его приговор не имеет юридической силы и может быть оспо-

рен. Как представляется, несмотря на то что презумпция невиновности подсудимого для суда первой инстанции фактически перестаёт действовать - поскольку последний признаётся виновным и у суда по вопросам виновности и наказания не остаётся сомнений - это вовсе не значит, что обвиняемый вообще может быть лишён предоставленной ему конституционной гарантии, её «остатков», в момент постановления приговора. Тем более, что таким нарушением вызывается наступление столь серьёзных последствий, описанных выше.

Необходимо констатировать, что обращение не вступившего в законную силу приговора в части назначенного наказания к немедленному исполнению в обход установленного законом запрета, а равно избрание меры пресечения соответственно назначенному наказанию при постановлении приговора исключительно в целях его исполнения входят в противоречие с конституционным принципом презумпции невиновности, согласно которому каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации).

Более того, с целью сохранения образа беспристрастного суда судебные органы должны проявлять максимальную осмотрительность при разрешении дел. Такая осмотрительность обязывает их воздерживаться от принятия откровенно произвольных решений, к которым следует отнести и решение о заключении под стражу при постановлении приговора на основании одного только факта его постановления, применяемом не в качестве меры пресечения, и представляющее собой распоряжение об обращении приговора в части назначенного наказания к немедленному исполнению. Эта обязанность налагается высокими требованиями правосудия и характером судебской должности. Иное заставляет предположить, что суд уже сформировал неблагоприятное мнение по делу обвиняемого до удаления в совещательную комнату, что объективно обосновывает сомнения в беспристрастности судьи не только у подсудимого, но и у всех других лиц. Тем самым не обеспечивается соблюдение

гарантий объективности, независимости и беспристрастности суда, для которого принятие решения о заключении под стражу не является обязательным, а также ставятся под сомнение правосудность приговора, постановленного судом первой инстанции, и справедливость проведённого по уголовному делу судебного разбирательства в целом.

Данные обстоятельства должны обязательно учитываться законодателем, поскольку неправильное понимание сущности и целей мер пресечения влияет на определение оснований, условий и порядка их применения. Отчасти решение проблемы мы видим путём выявления конституционно-правового смысла положений ч. 2 ст. 97 УПК РФ, который в действительности заключается в том, что избираемая при постановлении приговора мера пресечения призвана предупредить возможное уклонение обвиняемого от отбывания наказания. Другой способ решения заключается в корректировке федеральным законодателем названных положений посредством их изложения в следующей редакции:

«2. Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора *при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый уклонится от отбывания наказания*, или для возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 настоящего Кодекса».

Однако, по нашему мнению, принятия указанных мер для изменения сложившейся правоприменительной практики будет недостаточно.

Очевидно, что установление и учёт данных, подтверждающих намерение обвиняемого скрыться после вынесения приговора, предполагают необходимость обеспечить стороне защиты возможность привести суду соответствующие контраргументы.

Между тем в соответствии с положениями ст. 298, пп. 4, 5, 7 и 17 ч. 1 ст. 299, ч. 1 ст. 303, пп. 1, 4 и 5 ст. 307, пп. 2, 4, 5 и 10 ч. 1 ст. 308 и ч. 1 ст. 310 УПК РФ, находясь в совещательной комнате до момента провозглашения приговора и разрешая вопросы о виновности, назначении наказания и мере пресе-

чения одновременно, ввиду необходимости обеспечить сохранение тайны совещания суд не имеет возможности перед принятием решения о мере пресечения выяснить и учесть, а сторона защиты, соответственно, довести до сведения суда позицию относительно обстоятельств, не существовавших до его удаления в совещательную комнату, но имеющих существенное значение, - последствий принятия решения о назначении подсудимому наказания.

Поскольку указанные нормативные положения не допускают возможности стороны защиты в период до принятия решения о мере пресечения, но после принятия решений по вопросам виновности и назначения наказания возражать против заключения подсудимого под стражу несмотря на его осуждение к лишению свободы, ссылаясь на обстоятельства, подтверждающие наличие гарантий явки подсудимого на судебное разбирательство в суд апелляционной инстанции и явки для исполнения приговора, требуется определить, возможно ли в условиях действующего правового регулирования обеспечить эффективную реализацию обвиняемым права участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании в его отношении меры пресечения.

Как представляется, сделать это невозможно, поскольку до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора стороне защиты не может быть достоверно известно, какой именно приговор судом будет постановлен. В связи с этим она лишена возможности дать адекватную оценку значимости нового обстоятельства, которое может свидетельствовать о необходимости избрания меры пресечения для обеспечения исполнения приговора, которое ещё фактически не возникло и само появление которого носит вероятностный характер, и ей крайне затруднительно определить степень интенсивности, с какой следует осуществлять защиту от потенциально негативного воздействия выводов суда по вопросам виновности и назначения наказания.

Отсюда вытекает вывод: положения п. 17 ч. 1 ст. 299, п. 5 ст. 307 и п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ не позволяют стороне защиты довести до сведения суда свою позицию по поводу значимости назначенного наказания для целей уста-

новления и учёта судом риска уклонения обвиняемого от исполнения приговора как обстоятельства, подтверждающего необходимость избрания меры пресечения для обеспечения его исполнения, и тем самым лишают обвиняемого возможности эффективной реализации права участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании меры пресечения, в частности в случае, если при осуждении к реальному лишению свободы к нему применяется заключение под стражу.

Кроме того, в силу тех же законоположений решение о принимаемой при постановлении приговора мере пресечения становится его неотъемлемой частью, образуя с ним неразрывную связь. Однако, вызывая образование взаимосвязи вопросов законности, обоснованности и справедливости приговора, а также его законности и обоснованности в части избрания при его постановлении меры пресечения, они предрешают избрание в отношении обвиняемого одновременно с постановлением обвинительного приговора меры пресечения соответственно назначенному наказанию, в частности заключения под стражу при осуждении к реальному лишению свободы.

Поскольку данные нормы обуславливают избрание в отношении подсудимого, считающегося невиновным, по не вступившему в законную силу и не обращённому к исполнению приговору меры пресечения соответственно назначенному наказанию без учёта единых для всего уголовного судопроизводства нормативных оснований и условий избрания мер пресечения, можно утверждать, что в настоящее время на практике существует и применяется не предусмотренное законом самостоятельное основание для избрания меры пресечения.

Решением перечисленных проблем могло бы стать исключение п. 17 из ч. 1 ст. 299 и п. 10 из ч. 1 ст. 308 УПК РФ. При этом, на наш взгляд, целесообразно одновременно уточнить редакцию ч. 1 ст. 255 УПК РФ следующим образом:

«1. В ходе судебного разбирательства, а также после постановления приговора суд вправе избрать, изменить или отменить меру пресечения в отношении подсудимого».

Тем самым решение вопроса о необходимости избрания в отношении обвиняемого меры пресечения в связи с постановлением обвинительного приговора стало бы возможным после его провозглашения по ходатайству стороны обвинения или по инициативе суда в отдельном судебном заседании.

В данном контексте представляет интерес правовая позиция, высказанная Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 26 марта 2019 г. № 653-О, согласно которой, применяя к подсудимому при вынесении приговора такую меру пресечения, как заключение под стражу, суд учитывает результаты судебного следствия и прений сторон, в которых они имеют возможность высказать своё мнение по всем вопросам, подлежащим разрешению в приговоре. Установленные в состязательном процессе с участием сторон на основе собранных и подтверждённых в ходе судебного разбирательства доказательств событие преступления, виновность лица в его совершении и назначенное ему наказание в виде реального лишения свободы, соответствующее характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, дают основание и для избрания при постановлении приговора указанной меры пресечения, чтобы обеспечить его исполнение, без проведения отдельной (самостоятельной, дополнительной) процедуры проверки фактических обстоятельств, с учетом которых судья принял такое решение⁵.

Может сложиться ошибочное мнение, что Конституционный Суд Российской Федерации выразил негативное отношение к необходимости решения вопроса об избрании соответствующей наказанию меры пресечения по итогам рассмотрения уголовного дела по существу в отдельном судебном заседании. На самом деле это не так, поскольку указанное Определение касалось вопроса

---

⁵ Определение КС РФ от 26.03.2019 № 653-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision398222.pdf> (дата обращения: 01.06.2019)

соответствия жалобы заявителя критериям допустимости обращений и при его вынесении проверка оспариваемых законоположений на предмет нарушения ими конституционного принципа презумпции невиновности не осуществлялась. Конституционный Суд Российской Федерации не выявлял конституционно-правового смысла норм, а лишь, по сути, констатировал, что они дают основание для избрания меры пресечения при постановлении приговора для обеспечения его исполнения, не требуя отдельной процедуры проверки тех же фактических обстоятельств, по поводу которых сторона защиты имела возможность высказаться в судебных прениях и последнем слове.

Такая правовая позиция убедительно подтверждает наш вывод о том, что положения ч. 2 ст. 97 УПК РФ как по своему буквальному содержанию, так и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, предполагают решение вопроса об избрании меры пресечения без установления и учёта риска уклонения обвиняемого от отбывания наказания. Конституционность же этого порядка, однако, нами и подвергается сомнению.

Анализ действующего правового регулирования, регламентирующего порядок, основания и условия применения мер пресечения для обеспечения исполнения приговора, позволяет утверждать, что:

1. Положения ч. 2 ст. 97 УПК РФ, определяющие возможность избрания меры пресечения для обеспечения исполнения приговора, по своему конституционно-правовому смыслу предполагают, что в целях обеспечения исполнения наказания, назначенного по не вступившему в законную силу и не обращённому к исполнению приговору, суд вправе избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый уклонится от отбывания назначенного ему наказания;

2. Суд не вправе избрать или изменить в отношении обвиняемого меру пресечения соответственно назначенному наказанию одновременно с постановлением приговора. Иное свидетельствовало бы о возможности обращения не вступившего в законную силу приговора в отношении лица, считающегося

невиновным, к немедленному исполнению в обход установленного законом запрета. Вопрос необходимости применения меры пресечения в связи с постановлением приговора подлежит разрешению в отдельном судебном заседании по ходатайству стороны обвинения или по инициативе суда после провозглашения приговора;

3. В целях исключения из правоприменительной практики случаев произвольного лишения подсудимого свободы при постановлении приговора необходимо внесение в закон соответствующих изменений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вершинина С. И.* О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 115 – 125.
2. *Дикарев И. С.* Разрешение судом вопроса о мере пресечения при постановлении приговора // Мировой судья. 2008. № 11. С. 23 – 25.
3. *Калиновский К. Б.* Законность применения меры пресечения в целях исполнения приговора в российском уголовном процессе // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве: материалы Международной научно-практической конференции (Саранск, 7-8 дек. 2006 г.) МГУ им. Н.П. Огарева, Мордовский гуманитарный институт; [ред. кол.: Л.Д. Калинкина (отв. ред.), Н.Р. Мухудинова, О.А. Сухова]. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2006. С. 192 – 195.